

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «НЕДЕЛИ», или РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

Осенью 1976 года московский «Спартак», заняв по итогам первенства страны пятнадцатое место из шестнадцати, покинул высшую лигу. Девятикратный чемпион СССР, тринадцатикратный серебряный и бронзовый призер, девятикратный обладатель Кубка СССР... Что же стряслось с командой? Тогда же в редакцию «Недели» были приглашены за «круглый стол» все футболисты «Спартака». Пришли, правда, лишь пятеро: капитан команды Евгений Ловчев, Виктор Папаев, Михаил Булгаков, Владимир Букиевский и Александр Кокорев.

«О чем вы сейчас думаете?» – спросили мы спартаковцев.

Ловчев.

Двадцать четыре часа в сутки каждый из нас думает: доигрались... Как жить, как играть дальше?!

Булгаков.

Стыдно на улицу выходить. Сразу окружают несколько человек, спрашивают: «До чего же вы довели «Спартак», как могли уронить славу и честь клуба?»

Ловчев.

Справедливо спрашивают. То, что произошло, закономерно. Все к этому шло. Было сперва десятое место, затем четырнадцатое, а теперь и пятнадцатое. Но не в занятом месте дело. Дело – в игре.

– Значит, то, что вы покидаете ее, тоже справедливо? Нет ощущения несправедливости?

Ловчев.

Нет. Все абсолютно справедливо. Мы это заслужили. «Спартак» жалко. Игроков – нет!

Папаев.

А ведь мы могли одно время бороться даже за призовое место. Одна победа – и мы попали бы в десятку команд. Моментов взять эти спасительные два очка у нас было предостаточно. И если бы не проиграли тот злополучный матч с «Черноморцем», когда почти в самом конце игры Николай Осянин поскользнулся, упал, упустил мяч, и нам забили гол... Вообще, этот чемпионат каким-то странным получился, у одних команд семь игр на чужих полях, у других – восемь. Но и не это главное. Вспоминаю наше мажорное турне по Испании: у английского «Куинз парка» выиграли 3:0, с «Барселоной», за которую выступали Круифф и Неекенс, сыграли вничью. После этого, после побед над ЦСКА и «Локомотивом» у нас было прекрасное настроение.

Булгаков.

Нет, ты не прав! Ты и сейчас пытаешься себя успокоить: мол, и там выиграли, и тут неплохо шли, календарь виноват у одних семь игр на чужом поле, у других – восемь... Смешно слушать! «Мы могли бы бороться за призовое место»? Ты что, в самом деле не заметил, как у нас в этом сезоне только пять-шесть человек по-настоящему играли? А остальные только подыгрывали! Не горели, не волновались, не болели за общее дело. Эти остальные, по существу, не спартаковцы! Им, этим остальным, бороться за победу было неохота, хлопот много. А в современном футболе так нельзя: если хоть один выпадает из ансамбля, прочим десяти трудно приходится. Так что будем-ка самокритичны. Игры, особенно последние, «Спартак» проводил безвольно, кое-как, спустя рукава.

Ловчев.

Почему, например, мы проиграли в Киеве? Потому что многие игроки у нас больше о себе думали, чем о «Спартаке». Например, Гладиллин встал в «стенку», которую выстраивают для защиты от штрафного удара. Встать-то он встал, но в момент удара отвернулся от мяча: как бы в лицо не попал, больно будет. Отвернулся, и мы из собственной «стенки» получили гол. Игрок высшей лиги такое делать права не имеет.

Папаев.

Да, положила руку на сердце, это так. Как у нас многие относились к тренировкам? «Хи-хи, ха-ха». Побывали бы вы у нас в Тарасовке, увидели бы: чтобы после тренировки кто-нибудь остался на поле поработать с мячом, как это раньше делали Осянин, Киселев, Кавазашвили... Они оттачивали технику, разыгрывали комбинации, били по воротам. А в сезоне семьдесят шестого – кончалась тренировка, и через минуту никого на поле не осталось.

Ловчев.

Многие молодые ребята, пришедшие недавно в команду, равнодушны к ее доброму имени, к ее славе. И ни тренеры, ни старожилы «Спартака» повлиять на них были не в силах. Кого только набрали под прославленное красно-белое знамя...

Букиевский.

Зрители видели на поле во время матчей игроков в спартаковских футболках, но это не была команда «Спартак». Бесконечно варьировался состав, выступали то на одних, то на других местах. Полная неразбериха с составом. Часто из-за этого готовы были к поражению еще до начала матча. Такая чехарда не могла не сказаться на игре и ее результатах.

Папаев.

Это точно, не успеешь привыкнуть к партнеру, наиграть с ним связку, а его уже нет рядом; что ни матч, рядом новый человек.

– Надо понимать, вы сейчас прохаживаетесь по адресу тренеров. Тренеры «Спартака»-76 Анатолий Федорович Крутиков и Галимзян Салихович Хусаинов незадолго до этого были на поле лидерами команды, ее авангардом...

Булгаков.

Если говорить начистоту, не скруглять углы, то возникает вопрос: каждый ли из тех учеников, которые учились «на отлично», способен учить других? Достаточно ли одного желания, чтобы стать профессиональным тренером? Или требуется призвание (или хотя бы опыт)? Опыт тренеров Крутикова и Хусаинова невелик и невесел. Команда нальчикского «Спартака» была под их водительством доведена до грани вылета из первой лиги, а затем под именем «Эльбрус» эту грань все-таки пересекла вполне закономерно. Так логично ли тренерам, только что провалившим одно дело, сразу же поручать другое, более сложное и ответственное? Крутиков и Хусаинов, безусловно, любят «Спартак». Но это, так сказать, «странная» любовь. От игроков их, особенно старшего тренера, словно стена отделяла. Возражений Анатолий Федорович не терпел, крут и грубоват, прямо скажем, чересчур. Мы для него были фигурками на зеленой доске: захотел – снял фигурку, захотел – выставил куда вздумалось...

Папаев.

И все же я считаю, что в нынешнем провале команды виноваты прежде всего игроки. При любых тренерах, хороших или не очень, мы обязаны были играть в полную силу. Конечно, у тренеров наших не было постоянства во взглядах, даже к одному и тому же игроку

их отношение менялось по нескольку раз, что уж тут говорить о концепции игры, которой, по-моему, просто не было как таковой...

Ловчев.

Главное, что должны были сделать тренеры, – это организовать игру. И настраивать игроков на каждый матч как на решающий. Этого-то они и не делали. Педагогика – искусство, доступное далеко не каждому. Сколько нервов испортили команде неуверенность, непоследовательность, неопределенность в решениях наших менторов 1976 года! Поймите, я, как и другие наши футболисты, совсем не против них лично. Они хорошие люди, они желают добра «Спартаку», искренне ему преданны, они хотели как лучше. Но должно же быть в тренерах команды мастеров что-то действительно тренерское, педагогическое, стратегическое...

– Наверное, и моральные, и материальные проблемы в немалой степени отразились на игре команды в этом сезоне?

Булгаков.

Не могли не отразиться! У каждого из нас семья, у многих дети, забот хватает. Неустроенность виснет грузом на ногах футболистов.

Папаев.

В этом отношении мы откровенно завидуем торпедовцам. За ними – многотысячный коллектив известного всей стране объединения «Автозавод имени Лихачева». ЦСКА – команда Вооруженных Сил. «Динамо» – МВД, КГБ. У «Шахтера» шефы – весь Донецкий угольный бассейн, у «Зенита» – Ленинградское оптико-механическое объединение, у «Черноморца» – морское пароходство. Словом, у каждой команды есть заботливые хозяева, только не у «Спартака».

Ловчев.

Вот послушайте, – что написано в справочнике: «Общество «Спартак» объединяет работников коммунальных предприятий, бытового обслуживания, гражданской авиации, медицинских учреждений, полиграфических предприятий и др.». Особенно «вдохновляет» это «и др.». У семи нянек дитя... плохо играет в футбол.

Папаев.

Поэтому и база наша в Тарасовке – памятник футбольной старины, со скрипучими лестницами, с единственным полем, на которое мы до середины мая даже ступить не решаемся: надо же дать траве взойти. А в октябре его уже ледок покрывает. И нередко нам пришлось тренироваться в хоккейной коробке, предварительно уговорив местных, тарасовских парней: «Ребята, уступите Христа ради площадку, у нас плановая тренировка!..»

Кокорев.

У киевских и у московских динамовцев – по два поля в распоряжении. На одном команда тренируется, другое целый год отдыхает. А у торпедовцев в Мячкове? Просто первоклассная база! Стыдно говорить: нищенствующий «Спартак»...

– Какие же пути к возрождению команды вы видите?

Папаев.

Наверно, все, что здесь сегодня сказано, – ответ на этот вопрос. База, состав, тренеры, хороший настрой на каждую игру. Нормальные условия команды мастеров.

Ловчев.

Да, наступил самый горький час московского «Спартака». Но мы не хотим, чтобы нас «прощали», оставили в высшей лиге, учтя былые заслуги команды. Как сказал Никита Павлович Симонян, «Спартак» должен вернуться в высшую лигу с гордо поднятой головой, пройдя сквозь все испытания первой лиги. Как говорится, все потеряно, кроме чести! Чести тех, кто остается в низверженном «Спартаке» и жаждет бороться за его возвращение в «высшее общество».

Но как же трудно будет этого добиться... И главное: кто взвалит на себя это тяжкое бремя – возглавить павший «Спартак», поднять его и повести за собой?..

«СПАРТАК», ПЕРВАЯ ЛИГА, 1977

Когда я читал в «Неделе» осенью 1976 года эту несколько сумбурную исповедь спартаковцев, мне и в голову не приходило, что в начале следующего года я стану их старшим тренером.

О бедах «Спартака» я был в некоторой степени осведомлен. Приняв олимпийскую команду, созданную поначалу на базе «Спартака» 1974 года, я вскоре понял, что далеко не все игроки этого клуба могут и должны участвовать в отборочных матчах олимпийского турнира: одним не хватало мастерства, Другие и по физическим кондициям не устраивали. Тогда в олимпийскую сборную были включены многие неспартаковцы.

В сборнике «Футбол-84» спортивный обозреватель А. Соскин писал: «Взлетел он («Спартак» в сезоне 1974 года – К. Б.) так высоко чуть ли не на одном самолюбии, не имея ни подходящих условий для тренировок, ни комплекта квалифицированных игроков».

Правильное наблюдение. Весной 1976 года Н. П. Симонян уточнил картину: «Тяжелые времена переживает московский «Спартак». В последние годы команда страдала хронической недоукомплектованностью, которая наслаивалась из года в год...»

Со второго места, занятого «чуть ли не на одном самолюбии», спартаковцы в 1975 году опустились на одиннадцатое. За это были освобождены от должностей старший тренер Н. А. Гуляев и старший тренер по воспитательной работе (начальник команды) Н. П. Старостин. Гораздо менее опытные наставники

А. Ф. Крутиков и Г. С. Хусаинов приняли команду, которая была уже одной ногой в первой лиге. Чем кончился очередной эксперимент спартаковского руководства, известно.

А мне в конце 1976 года было предложено место начальника команды московского «Динамо», и я уже дал согласие. Лев Яшин, работавший на этом посту, перешел на ответственную должность в Спорткомитет СССР.

Вдруг меня вызвал председатель Центрального совета общества «Динамо» Петр Степанович Богданов (впоследствии заместитель министра внутренних дел СССР):

– Константин Иванович, министр получил официальное письмо из Московского городского комитета партии. Просят откомандировать вас в команду «Спартак» на должность старшего тренера.

Я стал отказываться. Объяснил свой отказ тем, что и желания работать вне «Динамо» не испытываю, и уже настроился на тесное сотрудничество со старшим тренером динамовцев Александром Александровичем Севидовым, с которым у меня превосходные отношения...

– Ничего не могу поделать, – ответил Богданов. – Мнение министра: вам следует идти в «Спартак».

В те же дни пригласили меня в МГК КПСС, в отдел пропаганды, к Альберту Михайловичу Роганову. Он завел речь о том же. Я ответил ему с предельной искренностью:

– Мне уже довелось поработать в командах других спортивных обществ. На себе ощутил, что к человеку из другого клуба, хотим мы этого или не хотим, относятся пристрастно, недоверчиво, даже с немалой долей антипатии. Малейшая неудача команды воспринимается чуть ли не как злой умысел «чужака». И расстаются с ним, как правило, не по-доброму... Не

хочу я в «Спартак», уже хлебнул этого «нектара» в «Торпедо», ЦСКА, «Локомотиве»...

Роганов настаивал. У нас с ним по этому поводу было две встречи. Я продолжал стоять на своем.

Андрей Петрович Старостин просветил меня: оказывается, в МГК КПСС было проведено совещание, посвященное проблемам команды «Спартак», так как в горьком поступило много писем от трудящихся, членов партии, которые просили вмешаться, помочь любимому спортивному коллективу. На этом совещании присутствовали руководители московских профсоюзов, столичного спорткомитета. Андрей Старостин, приглашенный на совещание как начальник отдела спортивных игр общества «Спартак», взял слово и сказал:

– Единственный, кто сейчас мог бы вернуть команду в высшую лигу, это Бесков. Но как оформить его переход из «Динамо»? Он ведь офицер.

На что В. В. Гришин, первый секретарь МГК КПСС, решительно ответил:

– Ну это наша забота.

Меня снова, уже в третий раз, вызвал на беседу Роганов. «Вы коммунист, – говорил он, – рассматривайте это направление в «Спартак» как партийное поручение».

Я попросился на прием к министру внутренних дел. И повторил Н. А. Щелокову все то, что объяснял Богданову и Роганову. Министр заявил:

– Есть официальное письмо за подписью члена Политбюро ЦК КПСС Гришина. Нужно отправляться в «Спартак». Мы вас туда откомандируем.

Стало ясно, что вопрос решен.

Первым условием своего прихода в «Спартак» я поставил возвращение в команду на должность ее начальника Николая Петровича Старостина. С олимпийской сборной мы работали нормально. И я понимал, что присутствие спартаковского патриарха, выразителя и носителя духа и традиций, придаст уверенности тем, кому предстояло бороться за выход в высшую лигу.

Мне пошли навстречу немедленно: Старостин был назначен старшим тренером по воспитательной работе (так тогда именовался начальник команды).

Первый учебно-тренировочный сбор 1977 года был устроен в Сочи. Этот выезд, так сказать, «на пленэр» меня, мягко говоря, удивил: многие спартаковцы явились на сбор с женами, Николай Петрович – со своей родней. Выяснилось, что они, по обыкновению, именно так выезжали на первые тренировки – на юг. Мне это было и непривычно, и непонятно, получался не учебно-тренировочный сбор, а какой-то междусобойчик, семейный пикничок, атмосфера которого отнюдь не способствовала интересам дела.

Мое первое впечатление: команда «в разобранном состоянии». Дисциплины никакой. Многие позволяют себе опаздывать к началу тренировки, упражнения выполняют небрежно, есть и нарушители спортивного режима. Не чувствовалось стремления играть на былом спартаковском уровне. Словом, эпитета «здоровый» этот коллектив не заслуживал.

На одном из первых собраний обращаюсь к футболистам с призывом:

– Подумайте: «Спартак»! Такая слава, такие добрые традиции, такие замечательные предшественники! Нам с вами выпала честь – именно честь! – восстановить доброе имя, возратить его команде. Честь и обязанность! Давайте восстанавливать ваши боевые качества.

Но ощущения, что все присутствующие вняли моему голосу, у меня не было.

Поневолу вспомнил слова Родена: «Беру глыбу гранита или мрамора и отсекаю все лишнее». Мне тоже предстояло отсесть все лишнее. И добавить недостающее.

Олег Романцев, игрок из Красноярска, сыграл за «Спартак» всего в двух матчах осеннего турнира 1976 года и по завершении календарных игр уехал к себе на берега Енисея. Я вызвал Романцева обратно. Пригласил в команду Вадима Павленко, которым нельзя сказать чтобы очень дорожили в московском «Динамо» (во всяком случае, отпустили его легко). Было ясно, что не вписываются в новую схему и новый состав некоторые старожилы команды и, как ни сложно, придется с ними распрощаться. Николай Петрович и Андрей Петрович, узнав о моих намерениях, немало удивились:

– «Спартак» без Папаева? Без Осянина? Но это же несерьезно – освобождать таких мастеров! Они же – киты, на которых держится «Спартак»!.. – И далее в том же духе.

А я ясно видел: тридцатипятилетний Николай Осянин утратил скорость. Он стал не слишком разворотлив, юные форварды «раскручивали» его довольно откровенно. Понимаю, что почитатели «Спартака» боготворили Осянина; сам не могу забыть его хрестоматийный гол в ворота киевских динамовцев во втором круге чемпионата СССР 1969 года, гол на киевском поле, в сущности, решивший судьбу золотых медалей. Но то было в шестьдесят девятом, а нынче на дворе стоял семьдесят седьмой...

Папаев восхищал болельщиков оригинальным дриблингом, филигранной работой своей «хитроумной» левой ноги, плотным ударом (который он, правда, крайне редко применял по отношению к воротам соперников), он отлично видел поле... Но его диапазон – десять метров вперед от центрального круга, десять метров назад от того же круга. А современный полузащитник обязан быть вездесущим, сверх выносливым, непрестанно сновать по полю, претворяя в реальность любой тактический замысел.

Было немало кривотолков о замене общепризнанных игроков неизвестными фигурами из второй лиги. «Кто это такие – Ярцев, Шавло, Сорокин, Романцев, почему они в московском «Спартаке»?!» – возмущались «доброхоты», которые почему-то всегда находятся в избытке в таких случаях (где они были, когда команда скатывалась на пятнадцатое место, на что рассчитывали – на снисхождение власть имущих?). Сапожник команды, не заметив меня поблизости, восклицал: «Вот ведь какой пришел динамовский вредитель: он вас и во вторую лигу выведет!..»

Я люблю свою тренерскую профессию. Задача вывести честным спортивным путем в высшую лигу заново созданную команду была более чем трудной, но как это было бы здорово, если бы удалось! Какой интересный опыт может стать достоянием других тренеров, какие выводы можно будет сделать на основе этого опыта и по итогам такой эпопеи...

Мысленно я выстраивал модель игры, которая должна была привести к успеху, если бы в нее вписались отдельные исполнители и команда в целом. На чемпионате мира 1974 года, куда я ездил в качестве наблюдателя, мне бросились в глаза особенности единоборства сборных ФРГ и Голландии. На правом фланге нападения у немцев выступал Юрген Грабовски. Ему там приходилось тяжело, поскольку у голландцев левый защитник Крол явно превосходил его по физическим кондициям. Участвуя в оборонительных действиях своей команды, Грабовски пытался прервать рейды Крола по краю, но после этой борьбы у немецкого нападающего почти не оставалось сил для перехода к своим основным, атакующим, действиям.

Я долго размышлял над этой коллизией, невольно возвращался к ней вновь и вновь, обдумывал ее возможные вариации... И в сезоне 1977 года эти размышления помогли мне создать модель игры!

Крайних нападающих нужно освободить совсем от участия в оборонительных действиях на своей половине поля; если крайний защитник противника подключается к атаке, его встречает наш полузащитник, а не крайний нападающий. К тому же полузащитник в силу специфики амплуа выполняет оборонительные приемы и функции квалифицированнее, чем «чистый» форвард. Хороший полузащитник по физической своей готовности не должен ни в чем уступать крайнему защитнику противника.

Но, встречая и прерывая действия неприятельского «Крола», наш полузащитник оставляет без внимания своего постоянного подопечного; кто возьмет его на себя? Пусть в эти мгновения на него переключается наш центральный полузащитник. А центра полузащиты противника перекроет в этом случае наш центральный нападающий...

В этом варианте у наших крайних форвардов расширятся зоны действия, они станут появляться не только на флангах, но и в центре, как центрфорварды (это, кстати, и получалась на практике; у Ярцева в большей степени, у Павленко – в отдельных матчах, но Ярцев заметно тяготел вправо, а Павленко – влево).

Вот примерно какую схему, или систему, я предложил спартаковцам. И все они друж-

но стали осваивать новые концепции и тактику игры. Нужно было только подобрать наиболее подходящих исполнителей для осуществления намеченных действий.

Я пригласил Виктора Ноздрин из «Локомотива». Он был полузащитником, а я поставил его на правый край защиты. Опытный и физически сильный, тактически грамотный и готовый к эксперименту, он справлялся и с оборонительными, и с атакующими действиями. Центральными защитниками прежде играли Михаил Бондарев и Александр Кокорев; со временем я поставил свободным центральным защитником Вагиза Хидиятуллина, передним центральным – Александра Сорокина. Сергей Шавло создавал динамику, ритм и темп; он успевал в атаку и в оборону, полезно действовал в отборе мяча и при этом был способен, отобрав мяч, начать контратаку.

Несколько небрежничал на левом краю защиты Евгений Ловчев; его я перевел в опорные полузащитники, и в этой позиции он оказался полезнее. А левый край обороны нам обеспечил выносливый и усердный Олег Романцев, часто «по старой памяти» (он был прежде нападающим) ходивший в глубокие рейды по тылам противника.

Как, например, появился у нас Георгий Ярцев? В начале сезона 1977 года был организован турнир спартаковских команд в манеже. И там мне приглянулся быстрый, резкий, нацеленный на гол форвард из Костромы. Я предложил ему место у нас в нападении. «Не поздно ли? Мне вот-вот стукнет двадцать девять. В запасе сидеть неохота, а костромской команде я по крайней мере нужен все время», – засомневался Георгий. Но я не сомневался: «Зову не в запас, рассчитываю на твои бойцовские качества». И Ярцев заиграл. Хотя на первых порах кое-кто на него косился, недоумевал.

Из Киева я вернул уехавшего туда по окончании сезона-76 вратаря Александра Прохорова. Опытный и авторитетный голкипер был вскоре единогласно избран у нас капитаном команды. У него были непростые бытовые проблемы: хорошая квартира оставалась у Саши в Киеве, а в Москве площади не было. Но он отнесся к нашим заботам с пониманием, переехал в Тарасовку, а затем мы помогли ему с обменом жилья. Александр Прохоров внес очень весомую лепту в осуществление того довольно дерзкого предприятия, за которое вместе со мной взялись спартаковцы образца 1977 года.

В первом круге мы претерпели такие сокрушительные поражения, как, например, от «Кузбасса» в Кемерове 0:4. Сразу в некоторых периодических изданиях (в газете «Труд» например) появились колокольню-набатные материалы с заголовками типа «Что же дальше, «Спартак»?» – мол, теперь разве что во вторую лигу дорога. Да, не все даже записные футбольные летописцы, обозреватели с большим стажем сумели понять, что перед ними совсем новая, только-только сколоченная команда и ключевые игроки ее или недавно из второй лиги, или едва достигшие совершеннолетия, или те, кого без помех отпустили другие клубы. А ждали от нас игры того «Спартака», который громил «Фиорентину» и «Милан» и делал «дубль», выигрывая первенство и Кубок СССР. Все соперники в первой лиге против этого молодого «Спартака» сражались как против того, знаменитого.

Я надеялся, что костяк команды составят спартаковцы со стажем, но из них одни были травмированы, другие резко сдали в игре. Дублирующий состав команде первой лиги не положен, так что мы не в состоянии были проверить в деле того или иного новобранца. Более того, случалось, что с трудом наскребали людей для полноценной двусторонней тренировочной игры. А календарные матчи, яростные, бескомпромиссные, с полной отдачей сил, проходили примерно через три дня на четвертый.

Регулярно беседовал с футболистами, вместе разбирали «по разделениям» каждую проведенную игру, каждый эпизод. И с середины сезона-77 я почувствовал, что свою программу-оптимум мы сможем решить в первый же сезон.

Во втором круге модель игры, схема, описанная выше, стала оживать, обретать личностное выражение, а затем и приносить плоды.

«Спартак» завершил чемпионат страны в первой лиге, заняв высшую строку в турнирной таблице. Одержал больше всех побед (22), забил больше всех мячей (83; второй результат был у грозненского «Терека» – 59 мячей). Наши футболисты были награждены малыми

ЗОЛОТЫМИ МЕДАЛЯМИ.

В конце июля 1977 года я в очередной раз приехал с заданием от газеты на спартаковскую базу в подмосковной Тарасовке и просто не узнал ее. Рядом с древней деревянной гостиницей достраивалось новое современное здание, в котором теперь живут спартаковцы. Котры, площадки и главное футбольное поле были тщательно ухожены. Футболисты, щегольски одетые в ярко-красные спортивные костюмы, смотрели видеозапись сыгранного накануне матча. Во всем чувствовалась твердая рука нового старшего тренера, все выглядело аккуратно, чисто и как-то празднично. У команды появился серьезный шеф: под свое крыло «Спартак» взяло Министерство гражданской авиации. Аэрофлот облегчил команде перелеты на матчи из города в город, избавив ее, таким образом, от немалых хлопот и трат.

Я спросил Константина Ивановича, понимают ли его питомцы, чего ждут от них миллионы болельщиков. «А вы их самих спросите», – ответил тренер.

После просмотра видеозаписи почти вся команда собралась на скамеечках перед гостиницей в тени деревьев. Шутили, смеялись, приветливо поздоровались, предложили сесть.

– Мы все прекрасно понимаем, – сказал Миша Булгаков. – И писем много получаем, и сюда люди приезжают, и просьба у всех одна: «Вернись, я все прощу!» Стараемся. Не все клеится но это уже не прошлогодняя компания, которой было безразлично, какое место займет «Спартак». Теперь мы все заодно и у нас общая цель.

– Между прочим, «Ливерпулю» для достижения такой цели понадобилось целых пять лет, – заметил молодой, не очень знакомый мне футболист.

– Позвольте представить, – озорничая, провозгласил Виктор Ноздрин, поймавший мой вопросительный взгляд. – Восходящая «звезда» мирового футбола Женя Сидоров!

– Ну как же, как же. Тот Евгений Сидоров, который недавно забил гол ашхабадскому «Колхозчи»...

– О, это для него рядовой момент!..

У них было хорошее настроение. Еще лучше стало оно в конце октября. Тогда, 27 числа, команда явилась в редакцию «Недели» в полном составе: К. И. Бесков, Н. П. Старостин, А. С. Бибичев (второй тренер), И. А. Варламов (второй тренер). А. Прохоров, Е. Ловчев, М. Булгаков, В. Ноздрин, В. Гладиллин, В. Павленко, С. Шавло, Г. Ярцев, В. Хидиятуллин, О. Романцев, А. Сорокин, Р. Дасаев, В. Кравченко (врач команды), Г. Беленький (массажист). Вот стенограмма происшедшей беседы.

ОКТАБРЬ 1977-ГО, или ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

– Год назад за этим самым столом прозвучала фраза: «С такой игрой мы не скоро вернемся в высшую лигу». Всего год...

Прохоров.

Я не участвовал в прошлогодней встрече. Но знаю твердо: на нашей улице праздник потому, что к руководству командой пришел большой специалист, посвятивший всю жизнь

футболу. И стал сплачивать единомышленников. И в нас наши руководители искали прежде всего единомышленников, не смущаясь тем, что многие новички – чуть ли не вчерашние школьники. Некоторые признанные знатоки футбола удивлялись: кого берете, зачем? А эта новая команда сумела сыграть и набраться ума за один-единственный сезон!

Булгаков.

Константин Иванович сбалансировал состав в атаке и обороне, обновив его на три четверти. Потому обновилась и игра... У нас на первом же общем собрании команды 1977 года пошел разговор о дружбе, о единстве. Мы стали сейчас одной семьей. Я в «Спартаке» не первый год, но не помню таких отношений в прошлое время. Бывало, отыграли – и разбежались. А теперь почти всегда вместе.

Старостин.

Считаю, что это был очень полезный урок – переход в первую лигу. О многом, с чем мы там познакомились, мы и представления не имели. Там каждая игра проходила на самом высоком накале. Почти каждый наш очередной соперник был одержим одной мыслью: «Обыграем «Спартак», а потом целый год будем ходить у себя дома в героях». Всюду – переполненные трибуны, давно забытые нами визиты болельщиков в гостиницу с чуть ли не слезными мольбами: «Помогите, достать билетик на ваш матч, проведите на игру!» Обстановка превращала каждую встречу в кубковую. Играть надо было только изо всех сил, потому что именно так играли против нас соперники. После нашего поражения в Кемерове тренер тамошнего «Кузбасса» заявил: «Никогда не думал, что мы можем так здорово сыграть!» В конце концов, эта борьба «не на жизнь, а на смерть» так закалила спартаковцев, что у них уже и в мыслях не возникала возможность выступить кое-как.

Ловчев.

А знаете, я думаю, что о «Спартаке» станут в будущем году скучать в первой лиге! Да и мы станем ее вспоминать с добрым чувством. Хоть и приходилось выезжать в другие города девятнадцать раз (!), причем нередко лететь пять-шесть часов, попадать из московской погоды то в жару, то в холод.

Прохоров.

Все ребята здесь, если я что не так скажу, возразят. Команда жила в этом сезоне, особенно в его второй половине, под девизом: «Нам забивают сколько могут, мы забиваем сколько нужно плюс еще чуть-чуть». В первом круге нам забивали сколько могли, он закончился с общим счетом 35:26. А второй – 48:18. Чувствуете разницу?

– Вопрос новобранцам команды: трудно быть спартаковцами?

Романцев.

Очень трудно. На тебя смотрят буквально миллионы глаз. Болельщики помнят былую команду и сравнивают: чего стоят нынешние? Первый раз я выступил за «Спартак» в московском матче против «Уралмаша». Меня сразу захватил настрой моих партнеров. После установки на игру все жалели, что нельзя немедленно вступить в бой, а надо ждать еще два часа...

– *Значит, жив спартаковский дух?*

Старостин.

«Дух» – понятие отвлеченное. Судите по делам. «Спартак» прошел трудный путь и вернулся в высшую лигу – значит, дух этот живет. Как его поддерживать? Прежде всего принципиальным и честным отношением к футболу. Нужны высокие и благородные цели, они делают каждого бойцом на поле, а всех вместе – дружиной, которая стремится только

выиграть. И выиграть только честно! Каждый игрок должен чувствовать, что он – непосредственный участник всех дел команды, а не только спортивная человеко-единица.

Бесков.

Определяя состав на тот или иной матч, мы непременно проводили полутайное голосование. Каждый писал на листке свой вариант состава, затем эти листки оглашались без уточнения авторства. И представьте: у нас, тренеров, почти не было расхождения с мнениями футболистов в определении основных кандидатов на выступление в основном составе! Коллектив – чуткий барометр, он сразу реагирует, если кто-то начинает действовать ниже своих возможностей. Как видите, при всей строгой дисциплине у нас достаточно демократичности. Насколько известно, далеко не в каждой команде руководство советуется с игроками, кого выставить на ту или иную игру.

– Николай Петрович, вы самый спартаковский из всех спартаковцев вообще. Напоминает ли хоть в какой-то степени нынешний коллектив команду лучших лет «Спартака»?

Старостин.

У прежнего «Спартака» стиль был, как бы поточнее сформулировать, сугубо романтическим. Новый старший тренер внес в него реалистические черты, убрал разные «завитушки», архитектурные излишества, оставив все то, что во все времена нравилось трибунам: игру без компромиссов, вкус к атаке, волевою направленность, допустимый риск, натиск.

– Можно ли считать это сочетанием романтизма с рационализмом?

Старостин.

Слово «рационализм» отдает, знаете ли, излишним практицизмом, расчетливостью. Скажем лучше – неоромантизм.

Ярцев.

Есть еще одно обстоятельство. Нам было необычайно интересно. Уроки Константина Ивановича я сравнил бы с академией футбольного мастерства. Мне никогда прежде не приходилось слышать такие идеи, какие преподносил нам старший тренер: свежие, часто парадоксальные, даже ошеломляющие, а присмотришься, применишь на практике, освоишь в ансамбле – и голы быстрее получаются, и противник ошарашен... Могу только пожалеть, что большая часть моей футбольной жизни прошла вне этой школы, вне этого острого образа мышления, поиска нестандартных решений.

Бесков.

Чтобы вернуться в высшую лигу, надо было прежде всего создать модель игры, новую по всем параметрам – техническим, тактическим, физическим. Со многими пришлось в связи с этим кропотливо поработать, а с некоторыми, увы, расстаться: не все захотели или смогли перестроиться. Естественно, требовалось обновление состава, потому и вышел таким неровным первый круг, когда даже известные специалисты футбола не верили, что команда сумеет в конце сезона добыть право на выступление в высшей лиге. Не знаю почему, но большинство из нас верило: сумеет! Учебно-тренировочный процесс был построен так, чтобы отточить пас, улучшить отбор мяча, обводку, удар – основные элементы футбола.

В любой серьезной команде тщательно фиксируется, сколько этих элементов, этих игровых действий выполняет тот или иной футболист в течение матча, а также команда в целом. Например, начав выступать за «Спартак», Георгий Ярцев выполнял за матч 37–40 игровых действий, а к концу сезона – больше сотни! Вся команда начинала с 600–650 игровых действий, а, скажем, в московском матче с «Нистру» из Кишинева таких действий было выполнено больше тысячи.

– *Константин Иванович, сказывалось как-либо в работе со спартаковцами то, что сами вы – закоренелый динамовец?*

Бесков.

Я профессиональный тренер. Не возникает же никаких вопросов, когда режиссер одного театра переходит руководить творческим коллективом в другой театр... Не хочу убеждать в этом наших ребят, но, может быть, я привнес в их спартаковскую удачу долю динамовской собранности и дисциплинированности. Например, бывали в нашей жизни моменты, когда игры шли очень часто одна за другой, через два дня на третий или через три на четвертый; необходимо было восстанавливать после каждого матча силы, чтобы быть готовыми к следующему. Восстановление лучше и организованнее проходит на спартаковской базе, под наблюдением врача. Конечно, футболистам хотелось поехать после матча домой, побыть с семьей, с друзьями. Но они понимали, что для дела полезнее возвратиться в Тарасовку, и сами, причем охотно, ехали на базу. Сознательный народ! Однако я считал важным сохранить и даже подчеркнуть спартаковский дух, его значение. У команды должно быть свое идейное знамя.

Старостин

. Мне довелось поработать с Константином Ивановичем в олимпийской сборной. Я верю в интуицию и тренерский класс Бескова. Поэтому не вмешивался в учебно-методические, нередко и в тактические вопросы, взяв на себя сугубо воспитательную миссию... У нас впереди еще больше напряженной работы. В высшую лигу мы идем с боевым настроением и постараемся его сохранить. Могу заявить твердо: в первую лигу мы в 1978 году не вернемся!

Отчет об этой встрече опубликован: в «Неделе» № 44 за 1977 год. Третьей частью «недельской трилогии о «Спартаке» стал отчет о встрече в редакции в ноябре 1979 года, напечатанный в 48-м номере.